

и способы авторов «Грамматики» сформировать отечественную научную традицию дефиниций частей речи и их категорий.

Ключевые слова: лингвокультурология, теория частей речи, научная традиция, дефиниция термина, терминосистема, рецепция греко-римской грамматической науки.

Polyuha S. M. Linguocultural mission of the Grammar book «Adelfotes» in creation on the theory of the parts of speech.

Summary

The article analyses the structure, semantics and word building of the early grammatical terminology as a reflection of spiritual cultural values of the ethnos. The attempts and ways of the authors of the «Grammar book» are shown in order to form native scientific tradition of the definitions of the parts of speech and their categories.

The actuality of the subject is stipulated by the necessity to clarify the role of the ancient grammatical science in the development of national peculiarities of the formation of terms, comprehension of the reception of the work of Greek-Roman grammatical science in the formation of Ukrainian morphological terminology. The parts of speech are relevant in the same relation to a grammatical and lexical description of the language. The theory of the parts of speech is the foundation for grammar because all grammar books are built as a description of the parts of speech by their morphological, mainly word-changing, characteristics. Ukrainian grammatical theory was considerably affected by the Greek-Latin canon of a grammatical description. According to ancient tradition, in the first Ukrainian grammar book there were eight parts of speech to distinguish and the names of the categories often arose by copying the corresponding Latin accidents. Constructional characteristics taken into grammatical description of the Ukrainian language modeled the tendencies of the further grammatical abstraction as to the norms of the Ukrainian language, including specific specialization of the grammatical characteristics directed to the disclosure of the ethnical essence of the native literary language.

Key words: linguoculture, theory of the parts of speech, scientific tradition, definition of the term, system of terms, reception of the Greek-Roman grammatical science.

УДК 316.77; 378; 87.9

Потапенко С. И.,

**доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой германской филологии**

Нежинского государственного университета имени Николая Гоголя

e-mail: sergey.potapenko@mail.ru

НОМИНАЦИЯ УЧАСТНИКОВ ВОСТОЧНОУКРАИНСКИХ СОБЫТИЙ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРНЕТ-НОВОСТЯХ: КАТЕГОРИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

В статье доказывается, что различия в обозначении в англоязычных новостях участников событий на востоке Украины – протестующих, повстанцев-мятежников, боевиков и сепаратистов – обусловлены особенностями их категоризации, отраженными в лево- и правосторонней сочетаемости соответствующих единиц, раскрывающей изменения силового параметра. Установлено, что протестующие обладают силой, достаточной для успешного противостояния, боевики характеризуются интенсификацией силового параметра благодаря оснащению, повстанцы-мятежники усиливают его медийным компонентом, а превосходство сепаратистов проявляется в стремлении к переформатированию суперординатных категорий государства.

Ключевые слова: номинация, категоризация, англоязычные новости, протестующие, повстанцы-мятежники, боевики, сепаратисты.

Своеобразие освещения в англоязычных новостях Би-Би-Си (<http://www.bbc.com/news>) событий на украинском востоке состоит в том, что одни и те же участники зачастую именуется разными единицами – *protesters* «протестующие», *activists* «активисты», *rebels / insurgents* «повстанцы» / «мятежники», *militants* «боевики», *separatists* «сепаратисты» – даже в пределах одного текста. Так, в следующем примере одни и те же лица представлены как активисты в заголовке (*Ukraine crisis: Pro-Russian activists seize Luhansk HQ*) и как сепаратисты во вступительном абзаце: *A large crowd of pro-Russian separatists has stormed the regional administration's headquarters* (29. 04. 2014). Для объяснения причин указанных различий обращаемся к концепциям категоризации, выбор которых не так уж и

велик: классическая, прототипическая и теория построения перспектив. Классическая теория категоризации настаивает на однозначном противопоставлении членов категории [1, с. 21]. Представляется, что такой подход отражал античное мировидение, когда рассматриваемых в этой статье категорий не существовало.

Согласно теории прототипов, основанной на выделении лучшего представителя (clearest cases) класса [5, с. 36], из приведенного перечня участников восточно-украинских событий необходимо отобрать наиболее типичного, который может служить точкой отсчета для классификации остальных, хотя не ясно, как это можно сделать, оставаясь в пределах этой теории. С одной стороны, ее автор, Э. Рош, опирается на опрос информантов [5, с. 43], а с другой, как показывает анализ текстов новостей, номинация участников меняется со временем: протестующие становятся активистами, повстанцами, сепаратистами. Поэтому типичного представителя, объединяющего все эти группы, трудно найти. И главное, прототипический подход не объясняет трансформаций этих категорий, чем обусловлено наше обращение к теории построения перспектив, учитывающей категоризационную динамику [4, с. 495].

Согласно теории построения перспектив категоризация осуществляется относительно фокуса, в чем-то сходного с прототипом, в двух (а это уже новое!) перспективах: доминантной и второстепенной [4, с. 499]. Будучи производной от статики пространства [4, с. 499], доминантная перспектива отражает подобие категоризируемого объекта фокусу, что проявляется в усилении соответствующих характеристик, а второстепенная перспектива, опирающаяся на динамику времени, предполагает уменьшение фокальных черт, что сопровождается постепенным накоплением отличий и переходом к соседним категориям.

Цель предлагаемой статьи состоит в объяснении различий в семантике номинативных единиц, обозначающих участников восточно-украинских событий, с помощью синхронной реконструкции соответствующих категорий. Указанная цель предполагает выполнение следующих **задач**: во-первых, установление фокуса, относительно которого осуществляется категоризация; во-вторых, выделение доминантной перспективы, наиболее полно представляющей категорию, в-третьих, дифференциация второстепенной перспективы, отражающей уменьшение признаков одной категории с одновременным нарастанием характеристик другой; в-четвертых, установление различий между категориями и обозначающими их единицами.

Учитывая, что анализируемые единицы предназначены для именованья участников противостояния на украинском востоке, фокус категории связываем с образ-схемой ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ (COUNTERFORCE), которая обобщает сенсомоторный опыт прямого столкновения двух сил [3, с. 46]. Лингвистическая процедура установления доминантной и второстепенной перспектив опирается на анализ лево- и правосторонней сочетаемости рассматриваемых единиц, отражающей различные направления движения в пределах отдельной категории.

С доминантной перспективой связываем семантику существительных, указывающих на усиление противостояния в пределах отдельной категории без перехода к другим. Этому критерию соответствует субстантив *protesters*. Его сочетаемость отражает несколько ступеней интенсификации противостояния относительно параметров динамики, количества и силы.

Динамическая интенсификация отражена в увеличении количества протестующих, обозначенного глаголом *gather*, с указанием на конкретные причины, например, недовольство заключенным перемирием, напр., *Protesters angered by the ceasefire gathered outside President Poroshenko's office* (29.06.2014). Количественная интенсификация, зачастую соотносимая с движением относительно ВЕРТИКАЛИ [см. 2, с. 40], проявляется в увеличении числа участников: их может быть несколько десятков (*dozens of protesters*) или несколько сотен, напр., *Several hundred pro-Russian protesters besieged the police guards* (5.05.2014).

При обозначении протестующих силовая интенсификация осуществляется на двух уровнях: физическом и коммуникативном. Усиление физического параметра отражено в захвате различных

объектов: протестующие контролируют здания местных органов власти, напр., *Protesters remain in control of the regional authority building in Donetsk* (9. 04. 2014), противостоят правительству, напр., *The confrontations come amid rising tension between the newgovernment and pro-Russian protesters* (12. 04. 2014), и даже свергают президента, напр., *It was a stronghold for President Victor Yanulovych before he was overthrown by pro-Western protesters in February* (2. 05. 2014).

Интенсификация параметра коммуникативного воздействия проявляется в выдвигании требований, напр., *Olexander Turchinov said Kiev was «not against» a vote on the future of the country, a key demand from protesters* (14. 04. 2014), либо в неофициальном провозглашении своего собственного государства, напр., *Protesters declared Donetsk republic* (7. 04. 2014).

На каком этапе протестующие превращаются в повстанцев-мятежников, обозначаемых английским существительным *rebels*? Это происходит при соотнесенности с второстепенной интенсифицированной перспективой, отражающей нарастание физической силы благодаря наличию оружия, которое сближает повстанцев-мятежников с бойцами, о чем свидетельствует синонимия единиц *rebels* и *fighters* в следующем примере: *Ukraine's interior minister said a large number of rebels had left but admitted other fighters remained* (5. 07. 2014). При этом количественный параметр сохраняется примерно на том же уровне интенсивности, что и при представлении протестующих, напр., *The rebels still seem to have largenumbers in their ranks* (6. 07. 2014), или сливается с силовым при обозначении количества захваченных населенных пунктов, напр., *Pro-Russian rebels have seized buildings in about 10 towns and cities across eastern provinces* (15. 04. 2014).

Силовое доминирование повстанцев-мятежников отражено в англоязычных текстах новостей двояко: эксплицитно, т. е. с помощью уточняющих языковых единиц, или имплицитно через описание их действий.

Эксплицитные средства, в основном, обозначают оснащенность существительным *equipment*, напр., *We do not know exactly what numbers and equipment the rebels have managed to concentrate in Donetsk* (8.07.2014), или словосочетаниями *heavy weapons*, напр., *He blamed the rebels for using heavy weapons including mortars* (5.05.2014), и *heavy armed*, напр., *The heavy armed rebels control key buildings in town and cities across the east* (25. 06. 2014).

Имплицитно силовое доминирование повстанцев-мятежников отражено в сочетаемости существительного *rebel* с глаголами физического действия. Кроме удержания – подобно протестующим – официальных зданий, напр., *Kiev recently launched an operation to retake official buildings occupied by pro-Russian rebels in Mariupol* (9. 05. 2014), повстанцы-мятежники захватывают обласные центры, напр., *Pro-Russian rebels hold the regional capitals of Donetsk and Luhansk* (6. 07. 2014), военные объекты, напр., *seized an air defence unit, seized the airport to the north-west of Donetsk, seized a border guard base, a border checkpoint controlled by rebels* (6. 07. 2014), подрывают мосты, напр., *The bridges were blown up by rebels as Ukraine's military advanced* (7. 07. 2014), сбивают самолеты, напр., *Last week rebels shot down two Ukrainian helicopters on the outskirts of Luhansk* (5. 05. 2014), противостоят правительственной армии, напр., *President Petro Poroshenko's Facebook page says Ukrainian forces have now pushed rebels away from the airport* (14. 07. 2014).

Интенсификация вербальной мощи повстанцев-мятежников проявляется в активном формировании новой – медийной – реальности в трех направлениях: объединение физического и коммуникативного противодействия; замена физического противостояния словесным; усиление противодействия в результате опоры на внешние силы.

Объединение физического и коммуникативного противодействия наблюдаем в сообщении повстанцами-мятежниками о своих успехах, напр., *Pro-Russian rebels say they destroyed a column of troops there* (11. 07. 2014), в подтверждении военных операций: обстрелов, напр., *Rebel and government forces confirmed that Donetsk airport had come under fire overnight* (11. 07. 2014), и схваток, напр., *Rebels in Donetsk reported fresh heavy fighting with troops backed by tanks* (3. 07. 2014). Более того, словесное нагнетание силового параметра проявляется в обещаниях продолжить наступление, напр., *The rebels have vowed to keep fighting the government* (9. 07. 2014), в выгодной интерпретации

своих поражений, напр., *The rebels are calling it a tactful retreat* (6.07.2014), а также в перекладывании вины на противоположную сторону, напр., *The Ukrainian army and rebels blamed the attack on each other* (2.07.2014).

Замена физического противодействия коммуникативным, с одной стороны, проявляется в создании различного рода словесных препятствий, когда повстанцы-мятежники отказываются комментировать заявления противника, напр., *The rebels have not commented publicly on the Ukrainian military's claim* (24.06.2014), или сдавать оружие, напр., *Rebels rejected the call to surrender their arms* (19.06.2014), а с другой, в соглашении на проведение переговоров, создавая впечатление о стремлении к прекращению противостояния, напр., *Talks on extending the ceasefire are set to take place in Donetsk on Friday, the rebels have confirmed* (26.06.2014).

Усиление противодействия с опорой на внешние силы отражено не только в поддержке сочувствующих, что характерно для более ранних этапов противостояния, напр., *Large crowds have attended a rally in the regional capital, Donetsk, in support of the rebels* (6.07.2014), но и российской стороны, свидетельствующее о близости повстанцев-мятежников к категории сепаратистов. Соседнее государство усиливает поддержку в двух аспектах: физическом с помощью вооружений, напр., *It has accused Russia of allowing the rebels to deploy three Soviet-era T72 tanks* (12.06.2014), и живой силой, напр., *Most likely the secret support for the rebels through supplies of volunteers and arms, will continue* (8.07.2014), а также в словесном аспекте, оказывая давление на украинское правительство, напр., *He said Kiev must negotiate and make compromises with pro-Russian rebels* (21.06.2014).

Новый параметр, отличающий повстанцев-мятежников от протестующих, состоит в их значительной динамике: они передвигаются между городами, напр., *The rebels led by Igor Strelkov moved to Donetsk and Luhansk* (8.07.2014), отступают (*rebels were pulling back, rebels have retreated, rebels abandoned*), напр., *The rebels left the city* (6.07.2014), или перегруппировывают свои силы, напр., *The rebels are regrouping* (9.07.2014).

Дальнейшая интенсификация силы с трансформацией количественного параметра в иерархический характерна для категоризации боевиков, обозначаемых английским существительным *militants*. Последние воздерживаются от формирования медийной реальности и не опираются на поддержку соседнего государства, ибо их главный параметр – физическая сила.

Трансформация количественного параметра в иерархичность, по-видимому, согласовывается с общефилософским законом о превращении количества в качество: ведь увеличение числа людей требует управления ими. Поэтому кроме численности (*hundred of militants have attacked*), напр., *There has been a lull in the fighting between about 800 pro-Russian militants and Ukrainian troops* (5.05.2014), новостные тексты подчеркивают организованность боевиков словосочетаниями *well organized militants, militants of Pravy Sector, a group of militants*.

В аспекте физической силы боевики характеризуются двумя разновидностям параметров: одинаковыми с повстанцами-мятежниками и более интенсивными. Их сходство отражено эксплицитно с помощью определения *heavily armed*, напр., *Heavily armed militants attacked the checkpoints in the Volnovakha area* (22.05.2014), и имплицитно через описание действий. Подобно повстанцам-мятежникам они захватывают административные здания (*seize government building, the regional prosecutor's office*), удерживают их (*hold official buildings, American journalist / occupy official buildings, control key government buildings*), противостоят регулярным войскам, напр., *There were reports of clashes on Wednesday between Ukrainian troops and pro-Russian militants in Sloviansk* (7.05.2014) и т. д.

Большая мощь боевиков по сравнению с повстанцами-мятежниками отражена в военизированном характере их атак на административные здания (*attacked the prosecutor's office*), в использовании военной техники (*seize six Ukrainian armoured vehicles*), в организации засад (*try to ambush government forces*), что в конечном итоге предполагает необходимость их разоружения, напр., *It is working to disarm separatist militants in eastern Ukraine* (26.06.2014), или удаления с определенной

территории с целью деинтенсификации их силы, напр., *Mr Poroshenko said he would provide safe passage for Russian militants out of Ukraine* (10. 06. 2014).

Когда же повстанцы-мятежники (*rebels*) и боевики (*militants*) становятся сепаратистами (*separatists*)? Последние не столько захватывают здания и противостоят войскам, хотя и это случается, сколько стремятся к переформатированию надындивидуальных – суперординатных – категорий государства: они разрушают существующую категорию и создают новую, соотносясь со второстепенной интенсифицированной перспективой, отражающей не только уничтожение противника, но и существующей суперординатной категории государства, приближаясь таким образом к категории граждан соседней страны.

Сепаратисты имеют сходные с повстанцами-мятежниками динамические и силовые параметры, хотя и с некоторыми особенностями, обусловленными их направленностью на разрушение суперординатной категории существующего государства и создание новой.

Сходство по динамическому параметру сепаратистов с повстанцами-мятежниками проявляется в их мобильности: они покидают города, напр., *Pro-Russian separatists in Ukraine have evacuated the city of Sloviansk* (5. 07. 2014), передвигаются обширными территориями, напр., *Pro-Russian separatists in eastern Ukraine have denied reports they have fled their stronghold of Sloviansk* (5. 07. 2014), перегруппировываются, напр., *Pro-Russian separatists in Ukraine are said to be regrouping in Donetsk* (6. 07. 2014).

В аспекте силы представители обеих категорий выполняют одинаковые действия, что проявляется в синонимическом использовании одних и тех же единиц даже в пределах одного текста: они сбивают летательные аппараты, напр., *Separatists shot down two Ukrainian army helicopters* (2. 05. 2014), сражаются с правительственными войсками, напр., *Separatists are fighting security forces* (16. 05. 2014), пленяют международных наблюдателей, напр., *Seven international military observers seized by pro-Russian separatists in eastern Ukraine have been freed* (3. 05. 2014).

Специфика силового параметра, относительно которого характеризуются сепаратисты, подчинена переформатированию суперординатных категорий государства: разрушению существующей и созданию новой. Уничтожение имеющейся категории сопровождается установлением контроля над обширными территориями, напр., *Ukraine forces have struggled to regain control of buildings and territory that have been seized by armed separatists* (21. 06. 2014), и официальными зданиями, обозначенными единицами *government* (*seizing of the government buildings in the east of Ukraine; the separatists have taken control of government buildings*), *official* (*Pro-Russian separatists occupying official buildings in the east of Ukraine; leave official premises, many official buildings*), *key* (*occupying key buildings in a dozen eastern towns*).

Направленность сепаратистов на разрушение суперординатной категории существующего государства отражена эксплицитно и имплицитно. Эксплицитность проявляется в вербализации их территориального расположения: кроме определения *pro-Russian*, локализация сепаратистов на востоке страны дополнительно уточняется словосочетаниями *separatists in the east*, *pro-Russian separatists in the east*: *Pro-Russian separatists in the east of the country seized a bus carrying international military observers* (25. 04. 2014).

Разрушение существующей суперординатной категории государства имплицитно при сообщении о нарушении украинской границы, о противостоянии общенациональным органам управления, о призывах к проведению референдума.

Нарушение украинской границы представлено в контекстах, описывающих атаки на пункты перехода, напр., *The separatists attacked three Ukrainian border posts* (21. 06. 2014), пересечение границы, напр., *A convoy of vehicles carrying pro-Russian separatists had breached the border near Marynovka* (5. 06. 2014), или переправку через нее людей, напр., *She was forced over the border by the separatists* (9. 07. 2014).

Масштаб противостояния общенациональным государственным органам отражен в метонимическом именовании последних через указание на страну в целом, напр., *Ukraine move on*

separatists (24. 04. 2014), или ее столицу, напр., *Operation by Kiev against pro-Russian separatists* (24. 04. 2014). При прямых номинациях масштаб противостояния передается противопоставлением сепаратистов президенту, напр., *Mr Poroshenko called on separatists in the east to lay down their arms* (7. 06. 2014), правительству, напр., *Ukraine's government has resumed military action to tackle pro-Russian separatists in the east* (3. 05. 2014), руководству в целом, напр., *Ukraine authorities said they had retained control of the regional administration building in the city of Kharkiv from pro-Russian separatists* (8. 04. 2014), или вооруженным силам, напр., *Armed forces had killed many separatists in an offensive in Sloviansk* (3. 05. 2014).

В аспекте формирования суперординатной категории нового государства различия между повстанцами-мятежниками и сепаратистами состоят в том, что для первых референдум связан с разрушением существующей страны, обозначенным существительным *secession*, напр., *The rebels have called for a referendum on secession from Ukraine* (7. 04. 2014), а для вторых – с созданием новой реальности, на что указывает определение *self-rule*, напр., *'Self-rule' referendums have been taking place in Ukraine's easternmost regions with pro-Russian separatists claiming a big turnout* (11. 05. 2014).

Направленность сепаратистов на создание суперординатной категории нового государства сопровождается провозглашением независимости, напр., *The separatists declared independence in both Donetsk and Luhansk regions after Russia annexed the Crimea region in March* (7. 07. 2014), а также силовыми действиями, связанными с насилием, напр., *At the moment violence is continuing in two separate regions, Donetsk and Luhansk, where separatists have declared independence* (10. 06. 2014), и убийствами, напр., *Hundreds of combatants and civilians have been killed since pro-Russian separatists declared independence* (13. 06. 2014).

Атрибуты новой суперординатной категории представлены формированием собственного руководства, на которое совершают покушения, напр., *In the neighbouring Luhansk region separatists said an attempt was made on the life of a rebel leader* (13. 05. 2014), и даже в назначении пресекретарей, напр., *The separatists' spokesman in the city of Donetsk said that the Kiev government was illegal* (19. 04. 2014).

Попытки формирования суперординатной категории нового государства сопровождаются возникновением интернациональной медийной реальности. Россию все чаще призывают прекратить поддержку сепаратистов, напр., *Mr Kerry said Moscow should stop backing the Pro-Russian separatists* (3. 05. 2014), настаивают на необходимости их обуздания, напр., *Ukraine crisis: Obama urges Putin to rein separatists* (15. 04. 2014), и прекращении тайных поставок оружия, напр., *The US and the West accuse Russia of using undercover military to back separatists* (22. 04. 2014).

Таким образом, различия между участниками восточноукраинских событий – протестующими, повстанцами-мятежниками, боевиками и сепаратистами – проявляются в перспективах их изображения относительно трех основных категориальных параметров: силового, количественного и динамического. Протестующие представляют доминантную перспективу, которая проявляется в достаточной для противостояния силе, численности и мобильности. Повстанцы-мятежники, боевики и сепаратисты, граничащие с соседними категориями, соотносятся с второстепенной перспективой, отличающейся интенсификацией динамического и силового параметров при подразделении последнего на физический и коммуникативный. В аспекте физической силы повстанцы-мятежники отличаются наличием оснащения, что приближает их к категориям боевиков и бойцов, динамикой, проявляющейся в охвате больших территорий, и в коммуникативном противодействии через создаваемую медийную реальность. Интенсифицированная перспектива представления сепаратистов проявляется в их направленности на переформатирование суперординатных категорий государств, что определяет выбор и сочетаемость обозначающих их языковых единиц. Перспективы дальнейшего исследования состоят в сопоставлении именования участников восточноукраинских и крымских событий.

Список использованной литературы

1. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
2. Потапенко С. І. Мовна особистість у просторі медійного дискурсу (досвід лінгвокогнітивного аналізу) / С. І. Потапенко. – К. : Вид. центр КНЛУ, 2004. – 360 с.

3. Johnson M. The Body in the Mind. The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason / M. Johnson. – Chicago : Chicago University Press, 1987. – 233 с.
4. MacLaury R. E. Introducing vantage theory / R. E. MacLaury // Language Sciences. – Vol. 24. – P. 493–536.
5. Rosch E. Principles of categorization / E. Rosch // Cognition and Categorization. – Hillsdale : Lawrence Erlbaum Associates, 1978. – P. 27–48.

Потапенко С. І. Номінація учасників східноукраїнських подій в англійських інтернет-новинах: категоризаційний аспект.

Анотація

У статті доводиться, що відмінності у позначенні учасників подій на сході України – протестувальників, повстанців-заколотників, бойовиків і сепаратистів – зумовлені особливостями їх категоризації, відображеними у ліво- і правосторонній сполучуваності одиниць, яка розкриває зміни силового параметра. Встановлено, що протестувальники володіють силою, достатньою для успішного протистояння, бойовики характеризуються через інтенсифікацію силового параметра завдяки оснащенню, повстанці-заколотники посилюють його медійним складником, а перевага сепаратистів виявляється в устремлінні до переформатування суперординатної категорії держави.

Ключові слова: номінація, категоризація, англійські новини, протестувальники, повстанці-заколотники, бойовики, сепаратисти.

Potapenko S. I. Naming participants of East-Ukrainian events in English Internet news stories: Categorization perspective

Summary

The object of the study is the linguistic means of naming the participants of the events in the Ukrainian east in the English news stories: protesters, rebels, militants and separatists. The main aim of the article is to explain the difference in the meaning of the units denoting the participants of the events. The conclusion of the study is as follows: the differences in naming the participants – protesters, rebels, militants and separatists – are brought about by the peculiarities of categorization reflected in the left and right combinability of the corresponding units reflecting changes in the force parameter. It is found that protesters have enough strength for successful counterforce, militants are characterized by the intensification of the force parameter due to the equipment used while the domination of the separatists is revealed by their attempts at reforming the superordinate category of state.

Key words: naming, categorization, English news stories, protesters, rebels, militants, separatists.

УДК 821.161.2”82-3

Приймак І. В.,
кандидат філологічних наук,
доцент кафедри української філології
Хмельницького національного університету
E-mail: prijmak_inna@ukr.net

ТОПОС МІСТА У ТВОРАХ БОГДАНА НИЖАКІВСЬКОГО («ДВНАДЦЯТКА»)

У статті досліджуються урбаністичні мотиви в новелістиці члена угруповання «Дванадцятка» Б. Нижаківського. Творчість письменника розглядається в контексті західноукраїнської літератури міжвоєнного періоду.

Ключові слова: урбаністична література, новелістика, «Дванадцятка».

Літературне життя міжвоєнного періоду у Львові було досить активним, тут гуртувалися значні літературні кола, існувало безліч мистецьких об'єднань, серед яких чільне місце посідає «Дванадцятка». Мистецька спадщина письменників гурту «Дванадцятка» була високо оцінена сучасниками. Варто згадати статті Г. Лужницького, Б. Бойчука, О. Тарнавського. Однак згодом художні надбання письменників були вилучені з літературного процесу. Повернення творчого доробку митців відбувається вже в незалежній Україні. У працях Н. Мафтин, М. Ільницького розглядаються